

**ОРОСЫН
ШИНЖЛЭХ УХААНЫ АКАДЕМИ
Дорно дахины гар бичмэлийн
хүрээлэн**

**МОНГОЛ УЛСЫН
ШИНЖЛЭХ УХААНЫ АКАДЕМИ
Түүх, археологийн хүрээлэн**

Б.Я.ВЛАДИМИРЦОВ - XX ЗУУНЫ НЭРТ МОНГОЛЧ ЭРДЭМТЭН

**ОХУ-ын Санкт-Петербург хотноо
2014 оны 10 дугаар сарын 6-8-нд
зохион байгуулсан олон улсын
эрдэм шинжилгээний хурлын эмхтгэл**

**Улаанбаатар хот
Санкт-Петербург хот
2015**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

МОНГОЛЬСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории и археологии

Б.Я.ВЛАДИМИРЦОВ -
ВЫДАЮЩИЙСЯ МОНГОЛОВЕД
XX ВЕКА

Материалы российско-монгольской
научной конференций
6-8 октябрь. 2014 г.

Санкт-Петербург
Улан-Батор
2015

**RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES**
Institute of Oriental Manuscripts

**MONGOLIAN ACADEMY
OF SCIENCES**
Institute of History and Archaeology

**B.YA.VLADIMIRTSOV -
THE OUTSTANDING RESEARCHER
OF MONGOLIAN STUDIES
IN THE 20TH CENTURY**

PROCEEDINGS

**International Conference
October 6-8, 2014. St. Petersburg, Russia**

**Ulaanbaatar, Mongolia
St. Petersburg, Russia
2015**

DDC
900.015
В-573

*Оросын Шинжлэх Ухааны Академийн
Дорно дахины гар бичмэлийн хүрээлэнгийн Эрдмийн зөвлөл,
Монгол Улсын Шинжлэх Ухааны Академийн
Түүх, археологийн хүрээлэнгийн Эрдмийн зөвлөлийн баталснаар хэвлэв.*

Ерөнхий редактор: түүхийн ухааны доктор (Ph.D) *С.Чулуун*
Эмхтгэгч, ерөнхий редактор: хэл шинжлэлийн ухааны доктор (Sc.D) *И.В.Кульганек*
Англи эхийн редактор: хэл шинжлэлийн доктор (Ph.D) *Д.А.Носов*
Шүүмжлэгч: түүхийн шинжлэх ухааны доктор (Sc.D) *Т.Д.Скрынникова*
хэл шинжлэлийн ухааны доктор (Sc.D) *Л.Г.Скородумова*
түүхийн доктор (Ph.D) *В.Ю.Жуков*

Б.Я.Владимирцов – ХХ зууны үеийн нэрт монголч эрдэмтэн: өгүүлийн эмхтгэл. 2014 оны 10 сарын 6-8-ны хооронд Санкт-Петербургт зохион байгуулсан Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын эмхтгэл. *Санкт-Петербург; Улаанбаатар, 2015. 218 х.*

Тус эмхтгэлд Санкт-Петербург хотноо Оросын ШУА-ийн Дорно дахины гар бичмэлийн хүрээлэнд Монгол судлалыг дэмжих сангийн дэмжлэгтэйгээр Оросын нэрт монголч эрдэмтэн Б.Я.Владимирцовын 130 жилийн ойд зориулан зохион байгуулсан Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын үр дүн болсон өгүүллүүд багтсан болно. Б.Я.Владимирцовын бүтээлийн өвийг түүхч, хэл шинжээч, утга зохиол судлаач, соёл судлаач, улс төр судлаач нар төдийгүй Монгол судлалын салбаруудын бэлчир дээр судалгаа шинжилгээ явуулдаг хэн бүхэн өргөнөөр ашиглаж ирсэн юм. Энэхүү хурал нь Монгол улсын ШУА-ийн Түүх, археологийн хүрээлэн болон Оросын ШУА-ийн Дорно дахины гар бичмэлийн хүрээлэнгийн хамтын ажиллагааны хүрээнд зохион байгуулагдсан хоёрдугаар хурал болно. Эмхтгэлд Оросын болон Монголын судлаач нарын монголчуудын түүх, соёл, хэл утга зохиолын салбарт хамаарах олон асуудлыг хөндсөн өгүүллүүд багтжээ. Хэд хэдэн өгүүлэл нь Б.Я.Владимирцовын Монгол судлалын олон чиглэл салбарт оруулсан хувь нэмрийг үнэлэхэд чиглэсэн байна. Өгүүлийн ихэнх нь уран зохиолын дурсгалт бичиг, нэр томъёоны асуудал, аман зохиолын ангилал, түүхэн үйл явдлын үнэлэлт, Оросын болон Монголын гар бичмэлийн хөмрөг, архивуудаас олж илрүүлсэн шинэ нээлт зэргийг судлахад зориулагджээ. Иймд тус эмхтгэлийг Орос, Төв Азийн соёл, түүхийг сонирхогч хэн бүхэн болон дэлхийн монгол судлаачдын анхааралд хандуулан өргөн барьж байна.

© ОШУА ДДГБХ, 2015
© МШУА ТАХ, 2015
© Зохиогч нар, 2015

ISBN 978-99973-0-619-7

DDC
900.015
В-573

*Утверждено к печати Ученым Советом Института
восточных рукописей Российской академии наук,
Ученым Советом Института истории и археологии
Монгольской академии наук.*

Главный редактор: кандидат исторических наук **Чулуун С.**
Составитель, научный редактор: доктор филологических наук **И.В.Кульганек**
Редактор английского текста: кандидат филологических наук **Д.А.Носов**
Рецензенты: доктор исторических наук: **Т.Д.Скрынникова**
доктор филологических наук **Л.Г.Скородумова**
кандидат исторических наук **В.Ю.Жуков**

Б.Я.Владимирцов – выдающийся монголовед XX века: сборник статей.
Материалы российско-монгольской науч. конф. 6–8 окт. 2014 г.
Санкт-Петербург. – СПб.; Улан-Батор, 2015. – 218 с.: ил.

В сборнике представлены статьи, отразившие итоги работы российско-монгольской научной конференции, прошедшей в Институте восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге при поддержке Фонда развития монголоведения в Монголии и посвященной 130-летию Б.Я.Владимирцова, выдающегося российского ученого-монголоведа, значение научных трудов которого до настоящего времени чрезвычайно велико. Его трудами пользуются историки, лингвисты, литературоведы, культурологи, политологи и ученые, проводящие исследования на уровне новых междисциплинарных наук. Данное мероприятие явилось второй международной конференцией, организованной Институтом истории МАН совместно с Институтом восточных рукописей РАН и стала результатом сотрудничества монгольских и российских ученых. В сборник включены статьи российских и монгольских исследователей по различным проблемам истории, культуры, литературы и языка монгольских народов. Ряд статей посвящены роли Б.Я.Владимирцова в исследовании различных аспектов монголоведения. Большая часть статей касается вопросов издания конкретных литературных памятников, использования терминов, классификации фольклорных произведений, художественных особенностей и образной системы поэтического творчества, анализа конкретных исторических событий и их научной интерпретации, новых открытий в рукописных фондах и архивах России и Монголии. Сборник рассчитан на монголоведов и всех, интересующихся историей и культурой России и Центральной Азии.

© ИВР РАН, 2015.

© ИИ МАН, 2015.

© Коллектив авторов, 2015.

ISBN 978-99973-0-619-7

DDC
900.015
B-573

The publication is approved by the Academic Council of Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences and by the Academic Council of Institute of History, Mongolian Academy of Sciences.

Editor-in-Chief: Ph. D (history) *Chuluun S.*
Compiled and edited by: Sc. D (philology) *I.V.Kulganek*
Texts in English edited by: Ph. D (philology) *D.A. Nosov*
Reviewers: Sc. D (history) *T.D. Skrynnikova*
Sc. D (philology) *L.G. Skorodumova*
Ph. D (history) *V.Yu. Zhukov*

B.Ya. Vladimirtsov – the Outstanding Researcher of Mongolia in the 20th Century. Proceedings of International Conference October 6–8, 2014. St.Petersburg, Russia. Ulaanbaatar–St.-Petersburg. 2015. 218 P.

The proceedings reflect the results of international research conference, taken place at the Institute of Oriental Manuscripts, RAS (St. Petersburg, Russia). It was supported by the National Foundation for Mongolian Studies (Government of Mongolia). The conference was dedicated to the 130th anniversary of B.Ya. Vladimircov, an outstanding mongolist, who influenced greatly all fields of Mongolian studies. His works are of great importance for historians, linguists, researchers of literature, culture and politics, as well as for interdisciplinary studies. This gathering was the second international conference, held by the Institute of History, Mongolian Academy of Sciences in cooperation with the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences. These proceedings are collection of articles, written by Russian and Mongolian scholars on different problems of history, culture, literature and languages of Mongolian peoples. Some of the articles are dedicated to the role of B.Ya. Vladimircov in different fields of Mongolian studies. Most of the articles answers questions on publishing exact literary monuments, terminology, classification of folklore texts, analysis of poetics, research and interpretation of different historical events, new discoveries in archives and manuscripts' collections in Russia and Mongolia. This collection of articles is designed for scholars in Mongolian studies and for everyone, who is interested in history and culture of Russia and Central Asia.

© IOM RAS. 2015.
© IAH MAS. 2015.
© Composit authors. 2015.

ISBN 978-99973-0-619-7

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>И.В. Кульганек</i>)	10
---	----

Приветствия

<i>Попова И.Ф.</i> директор Института восточных рукописей РАН	17
<i>Заябаатар Д.</i> Секретарь Фонда развития монголоведения в Монголии. Улан-Батор. Монголия	18

Статьи

<i>Бичеев Б.А.</i> Ойратская версия «Истории Белой Тары» («Повесть о Нарану Герел»)	22
<i>Бурькин А.А.</i> Б.Я. Владимирцов – основоположник современной научной алтаистики	30
<i>Валеев Р.М.</i> Истоки российского университетского монголоведения и буддологии в Казани (первая половина XIX в.)	42
<i>Гэрэлбадрах Ж.</i> Было ли «унгу боол»?	50
<i>Дашням Л.</i> К вопросу о классификации мудрых слов в монгольском языке	61
<i>Дробышев Ю.И.</i> Погодная магия в средневековой Монголии	68
<i>Елихина Ю.И.</i> Раскопки С.А. Теплоухова кургана № 12 в Ноин-Уле	78
<i>Захарова И.М.</i> Посольство Ю.А. Головкина в Цинскую империю и монгольские акварели А.Е. Мартынова	91
<i>Кантор Е.А.</i> Монгольский перевод «Мани-Кабума», выполненный Гуши Цорджи (1608)	102
<i>Кукеев Д.Г.</i> Некоторые сведения о материальном наследии джунгаров	110
<i>Кульганек И.В.</i> Представление о счастье в монгольских поговорах и пословицах	121
<i>Мунхицэцэг Э.</i> Некоторые термины в книге Б.Я. Владимирцова «Общественный строй монголов» и в словаре «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности, изданное по высочайшему повелению» (1717)	129
<i>Носов Д.А.</i> Б.Я. Владимирцов как основоположник современной монголоведной фольклористики	137

Носов Д.А., Почекаев Р.Ю. Рукопись Ц.Ж. Жамцарано из фонда ИВР РАН «Отрывок о том, как вести тяжбу» – источник по истории монгольского права	144
Петрова М.П. Модернистские тенденции в монгольской поэзии конца XX– начала XXI в..	153
Түвшинтөгс Б. Тод бичгээрх бар хэвлэлийн уламжлал	164
Туранская А.А. Национально-культурные особенности монгольского перевода «Гурбума» Миларэпы	178
Чулуун С. Изучение обнаруженного в Монголии неизвестного списка «Шара Туджи»	185
Юрченко А.Г. Сакральная арифметика и численность армий Чингизидов	200
Сведения об авторах	215

CONTENTS

Foreword (<i>by I.V. Kulganek</i>)	10
--	----

Greetings

<i>Popova I.F.</i> Director of Institute of Oriental Manuscripts RAS	17
<i>Zayabaatar D.</i> Secretary of the National Foundation for Mongolian Studies (Ulaanbaatar, Mongolia)	18

Articles

<i>Bitcheev B.A.</i> Oirat version of «Tale of Naranu Gerel» («Tale of White Tara»)	22
<i>Burykin A.A.</i> B. Vladimirtsov – founder of modern Altaic studies	30
<i>Valeev R.M.</i> Origins of the Mongolian and Buddhist Studies in Kazan University (the first half of 19 century)	42
<i>Gerelbadrakh Zh.</i> Was there an «ongu bool»?	50
<i>Dashniam L.</i> On the Classification of the wise Words in Mongolian	61
<i>Drobyshev Ju.</i> Weather magic in medieval Mongolia	68
<i>Jelikhina Ju.</i> S.A. Teploukhov's excavations of the mound number 12(24) in Noin-Ula, Mongolia in 1924	78
<i>Zakharova I.M.</i> The embassy of the count Y.A. Golovkin to the Qing Empire and Mongolian watercolors by the artist A.E. Martynov	91
<i>Kantor E.A.</i> Mongolian translation of the «Mani Kabum» by Guusi Čorji (1608)	102
<i>Kukeev D.G.</i> Some information on material heritage of the nomadic population of Jungar Khanate	110
<i>Kulganek I.V.</i> The idea of happiness in the Mongolian Proverbs and sayings	121
<i>Munkhtsetseg E.</i> Some terms in B.Ya Vladimirtsov's book «Social structure of Mongols» and in the dictionary «Qayan-u bičigsen manju mongyul ugen-u toli bičig» (1717)	129
<i>Nosov D.A.</i> B.Ya. Vladimirtsov as father founder of modern studies in Mongolian folklore	137
<i>Nosov D.A., Pochekaev R.Yu.</i> Manuscript «The fragment on court order...» from Ts. Zamtsarano's collection (IOM RAS, St. Petersburg) as a source on the Mongolian law history	144

<i>Petrova M.P.</i> Modernist Trends in Mnglian Poetry of the late 20th – early 21st. centuries	153
<i>Turanskaya A.A.</i> National and cultural peculiarities of Mongolian translation of Milarepa's «Gurbum»	164
<i>Tuvshintugs B.</i> The tradition of printing block in clear script	178
<i>Chuluun S.</i> The study of the newly discovered «Shar tuuj» found in Mongolia	185
<i>Yurchenko A.G.</i> «Sacred arithmetic» and size of the armies of Chingizids	200
Notes on authors	215

Д.Г.Кукеев
КИГИ РАН

Элиста, Республика Калмыкия, Россия

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О МАТЕРИАЛЬНОМ НАСЛЕДИИ ДЖУНГАРОВ

Аннотация. В докладе мной делается попытка описать и провести краткий анализ материального наследия кочевого населения Джунгарского ханства, не затрагивая их ойратских соплеменников с Востока (Хошутское ханство) и далёкого Запада (Калмыцкое ханство).

Ключевые слова. Джунгары, «городки», монеты, карты, стела, кочевники.

D.G. Kukeev

SOME INFORMATION ON MATERIAL HERITAGE OF THE NOMADIC POPULATION OF JUNGAR KHANATE

Abstract. The report attempts to describe and make a brief analysis of the material heritage of the nomadic population of Jungar Khanate, without involving their Oirat's «cousins» from the East (Khoshut Khanate) and from the Far West (Kalmyk Khanate).

Keywords. Jungars, «towns», coins, maps, stella, nomads.

Как видно из фундаментальных трудов современной историографии по истории Джунгарского ханства основное внимание исследователей нацелено на изучение политической жизни этого этнополитического образования и его отношений со своими соседями [1; 9; 15; 16; 23; 24; 35; 38; 40], а также роли личностей [3; 8; 12; 13; 19; 32; 39] в событиях XVII–XVIII вв. В этой связи мною делается попытка обобщить и привести имеющиеся сведения об оставшемся от этого народа материальном наследии (мною не привлекаются религиозные письменные памятники), которые сохранились поныне в КНР и Казахстане¹ как явления, не имевшие более ранних precedентов

¹ Ограниченность доклада не позволяет включить т.н. джунгарские «памятники монументального искусства», расположенные в Казахстане (в местности Тамгалытас, Илийский Капшагай) и Кыргызстане (местности Ыссыг-Ата и Тамг, Северный Кыргызстан), и образующие культовые комплексы джунгаров, которые состояли из изображений буддийских божеств на камнях, а также тибетских и ойратских надписей. См. [7, с.490–530].

у номадов исследуемого региона (применение картографии, использование монет) или имевшие лишь незначительное распространение (наличие специфических сооружений, добыча пороха, кузнечное дело).

Оседлые строения Джунгарского ханства

Говоря о сооружениях, следует отметить, что большая часть ойратских оседлых поселений позднего средневековья (как городков-крепостей, так и строений религиозного назначения) зафиксирована именно на территории Джунгарского ханства (совр. СУАР КНР, Кыргызстан, Казахстан), а не на Волге и Кукуноре. Благодаря письменным отчётам русских посланцев, являвшимися непосредственными свидетелями и гостями у ойратов, два ойратских сооружения – «Аблаин-кит» и сооружение Эрдэни-Батур-хунтайджи в Кобуксаре были наиболее полно отражены как в дореволюционных, так и позднейших научных работах. Со своей стороны, я, не пересказывая известные данные об этих сооружениях, лишь добавлю предположение, что их сходство и одинаковый вид архитектуры может объясняться определенным стилем постройки теми инженерами, стоявшими у создания этих строений, которые по этническим признакам, вероятно, являлись тибетцами, а не китайцами.

Вызывают интерес джунгарские сооружения XVIII в., которые, в отличие от сооружения Батура-хунтайджи (которое по большей части в относительной сохранности дошло до наших дней), не сохранились в своём исконном виде. Речь идёт о двух храмах вдоль реки Или, где на её северном берегу был построен храм Кульджа (Гулз, также известный как «Алтн деевртэ сямэ», т.е. «Храм с золотой крышей», а на южном берегу храм Хайнук, также именуемый «Мөңгн деевртэ сямэ», т.е. «Храм с серебрянной крышей», которые, по всей видимости, исчезли с падением Джунгарского ханства. Однако копия одного из этих сооружений, а именно храма Гулз, была вновь отстроена в 1764 г. в Комплексе Императорских Летних дворцов в Чэндэ 承德, и именуемая по-китайски «Аньюань-мяо» (安远庙 «Храм, умиротворяющий отдаленные территории»). Теперь он располагается на восточном берегу р. Уле (武烈河) и занимает территорию 0,5 км. в окружности с воротами, выходящими на каждую сторону света. Внутри – главное здание этого храма Пуду-хол (普度殿) – трёхэтажное, с двухкозырчатой и фронтонным коньком крыши, покрытой отполированной в чёрный цвет черепицей. Внутренний архитектурный вид этого величественного храма передаёт ощущение грандиозности и величия, и поэтому не трудно представить, что собой представлял храм Гулз в Джунгарском ханстве [26, р. 33–52; 30, р. 540].

Стелы

Вызывает сожаление, что все известные науке стелы, в которых находят своё отражения события по истории джунгаров, были установлены представителями соперничающей с ойратами династией Цин.

В 1755 г. и 1758 г. император Цяньлун 乾隆¹ (1736–1795) заказал 2 четырехязычные стелы с текстами, написанными на ойратском, маньчжурском, тибетском и китайском языках, в которых прославлялась его победа над джунгарами. Одна из этих стел (1755 г.) была установлена в северной части внутренней территории храма Пу-нин-сы 普宁寺, что в Комплексе Императорских Летних дворцов (Бишу Шаньчжуан 避暑山庄) в Чэндэ 承德市 (совр. провинции Хэбэй 河北省), именуемая как «Пиндин Чжуньгаэр хоу лэмин Или чжи бэй» 平定准噶尔后勒铭伊犁之碑, а другая – в Или, на той территории, через которую прошла маньчжурская армия (на юго-западе уезда Монгол-курят 昭苏县), именуемая «Пиндин Чжуньгаэр хоу лэмин гэдэн чжи бэй» 平定准噶尔后勒铭格登之碑. Тексты этих стел воспроизводятся и в «Пиндин чжуньгаэр фанлюэ» 平定准噶尔方略 («Высочайше утвержденное описание усмирения джунгаров»)² и в востоковедной науке западными учёными (на английском и немецком языках). Уже проводились исследования текста этих стел [27;31;37]. Стела 1755 г. была воздвигнута вскоре после поражения Давачи цинским войскам и ввода цинских армий в регион Или. Текст этой стелы начинается точно так же, как и стелы цинского императора Канси 康熙 (1662–1722)³. В нем описывается, как Небо покрывает весь мир, и император покорно отвечает на команды Неба. Затем в тексте рассказывается история цинского государства с начала своего происхождения. Говорится о том, что император Цяньлун объявляет свою миссию «культурным объединением мира» («сыхай тунфэн»). Якобы сочувствуя страданию джунгарского народа, он послал Великую Армию, чтобы приуменьшить мучения народа. Армия легко, без преград одолела врага. Джунгарские мятежники, подобно животным, были рассеяны и бежали. Давачи 达瓦齐 был «пойман в ловушку как крыса или птица; он нигде не должен был скрыться» [35, p.434].

¹ Его монгольское имя «Тэнгриин тэдхүгсэн».

² Его монгольский вариант именуется как «Бодлогын бичиг: Зарлигаар тогтоосон Зуу:нгарыг то:вшитго:н тогтоосон бодлогын бичиг», «jünger-i töbsidkegsen bodloga-yin bičig») в 171 томе.

³ Его монгольское имя «Энх Амгалан.»

В тексте стелы 1758 г. описывается поражение Амурсаны 阿睦尔撒纳 от войск цинского двора. Император также использует буддистские предписания против джунгаров, говоря: «Вы утверждаете, что уважали Желтое учение, но Вы, действительно, – демоны, которые едят человеческую плоть». Император изображает себя как вынужденного воина, который не одобряет войну, но был, тем не менее, вовлечен в кампанию, чтобы спасти страдающих людей: «Я не одобрял войну...однако она была неизбежна» [35, р. 434].

Питер Пердью (Peter Perdue) отмечает, что тексты на ойратском языке, написанные в аллитерированном стиле, переводят цинские понятия, определения, границы подчиненности и порядка на язык, близкий монголам. Ойратский текст этой стелы «нападает» на джунгарский народ как «на воров» (по-монг. «khulaghaiči»), как на народ со злыми мыслями, который отклонил учение «Жёлтой веры Буддизма», навлекая на себя бедность и разрушение. Стела 1755 г. описывает Давачи 达瓦齐 как «презренного», вынужденного «заползать в нору» подобно крысе. В стеле ярко выражено изменение понятия о верности государству завоеванных джунгар. Стела наставляет их «выступить против внешних сил сообща, вместе... и быть начеку, не позволять простым бургутским людям приближаться» к ним.. «Прекратите пытаться обращать внимание на слова казахов», написано в стеле. Здесь император рисует чёткую линию между подчиненными джунгарами и «внешними» (монг. “ghadanakiyigi”) киргизами и казахами и просит первых не вступать в контакт с чужими. Эта стела «проводит границу» между теми, кто в пределах империи, и теми – кто вне ее [35, р. 436]. Как видно, тексты стел тенденциозны, носят предвзятую, ярко выраженную антиджунгарскую позицию и передают одну и ту же информацию различной терминологией в зависимости от применяемого языка.

Карты и картины

Другим материальным наследием, «цинского производства», связанным с джунгарами, являются картины и карты. В наши дни они также могут представлять определённую ценность. В рассматриваемую нами эпоху на службе у маньчжурского двора находился дворцовый живописец Джузеппе Кастильоне – итальянский живописец-миссионер (1688–1766) (китайское имя Лан Шинин 郎世宁), живший в Китае с 1715 г. [20, с. 536]. Он создал 16 картин о сражениях, с изображениями джунгарских воинов.

Император Цяньлун 乾隆 заказал высококвалифицированным французским гравёрам серию из 16 печатных изданий, в которых отражались баталии покорения Цинами Джунгарии и Восточного Туркестана (1755–1760).

Эта серия называется Альбомом батальных сцен «Покорения Западного края» (Пиндин Сиюй чжаньту 平定西域战图) или «Триумфальными картинами покорения джунгар и уйгуров» (Чжунь хуэй лянбу пиндин дэшэн ту 准回两部平定得胜图). Эскизы к ним были созданы, проживающими в Пекине художниками-европейцами во главе с Джузеппе Кастильоне [21, с. 279].

Впоследствии эти картины были вывешены в павильоне Цзыгуангэ 紫光阁, который располагался в западной части Запретного города, к западу от озера Чжунхай 中海. Позже, при Цяньлуэ, по ним были сделаны гравюры, но не в Китае, а в Европе. Кстати, в КНР недавно была опубликована работа «Издание Первого исторического архива Китая «О собраниях секретных архивов о полотнах о войне в Западном крае в правление Цяньлуна» (Чжунго дии лиши данъантуаньбянь «Цяньлун сиюй чжанту мидан хуэйцуй» 中国第一历史档案馆编《乾隆西域战图秘档荟萃》) Пекин, 2007. В ней имеются копии гравюр, сделанных в Европе [21, с. 287].

За период правления Цяньлуна было создано 280 портретов наиболее выдающихся цинских военачальников: 100 портретов тех, кто отличился при покорении Джунгарии (1755–1757) и Восточного Туркестана (1758–1759), 100 портретов героев, сражавшихся в Цзиньчуани (1771–1776), 50 – при покорении Тайваня (1787–1788) и 30 портретов, отличившихся в походах в Юго-Восточную Азию (Бирму в 1766–1770, Аннам в 1788–1789 и Непал в 1771–1776). Для исследователей наибольший интерес вызывают портреты из серии, связанной с Джунгарией и Восточным Туркестаном, так как они сопровождаются текстом, воспевающим подвиги изображенного персонажа. На первых 50 портретах китайский и маньчжурский тексты написаны самим императором Цяньлуном, как выражение особой императорской благодарности за преданность и героизм. Тексты к другим 50 портретам написаны ближайшими сановниками императора. Они интересны для историков в качестве источника по истории боевых сражений, характеристике их участников и дают информацию об этническом составе цинского войска [17, с. 266].

Карты

У джунгаров к середине XVIII в. имелась определенная традиция картографии. Первые сведения об этом становятся известны науке благодаря пленному шведскому офицеру Иоганну Густаву Ренату¹, который привёз

¹ Ренат сначала был пленён русскими войсками при Полтаве во времена Северной войны и сослан в Сибирь. Затем он попал в плен к джунгарам, и провёл там 17 лет и вернулся в Швецию в 1734 г.

на свою родину карту джунгарского хана Галдан-Цэрена, ныне хранящуюся в Университетской библиотеке Упсала (Uppsala) [25, p. 166; 14, с. 105-145]. Судьба двух джунгарских карт, которые привёз Ренат в Швецию, была таковой: они оставались неизвестны европейской науке до 1878 г., пока Стриндберг (Strindberg) не обнаружил их в библиотеке Линкёпинг (Linköping). Затем к одной из этих карт обратился представитель российской науки Макшеев, отдельно от него карту опубликовал русский генерал Стабендорф (Stubbendorff). Однако этим судьба карт не ограничилась – их продолжил изучать Бэддли (Baddeley), который не только опубликовал репродукции, но и отразил обстоятельства того, как он получил эти карты. Стабендорф дал ценное описание карт, сравнив информацию в них с другими картами и дополнив русскую транскрипцию ойратских мест, которые сделал для него Бордзинкиевич (Bordzinkiewicz). Изучением джунгарских карт занимался известный монголист В. Хайссиг. Его изыскания представлены статьёй на немецком языке в периодическом издании «Monumenta Serica» [29].

Примечательной особенностью джунгарских карт является то, что они ориентированы на юг, согласно монгольской традиции. Отсюда запад становится правой стороной (барун), а восток – левой (зюн) [36, p. 158].

Одна из этих двух карт, по всей видимости, является оригинальной джунгарской картой, написанной непосредственно Галдан-Цэреном, а вторая – копией карты, захваченной у маньчжуро-китайцев в Баркуле или Турфане. Это были первые монгольские карты в Центральной Азии, и, по мнению специалистов, они превосходят в точности и в деталях всё то, что было сделано русскими и китайцами в течение XVIII в.¹ Учёные спорят о степени китайского и российского влияния. Одно ясно, при их изготовлении использовались уникальные приспособления, многообразные шведские картографические приемы и методы, китайские технические формы и познания в области монгольской географии. Карты демонстрируют важность картографии для военных планировщиков и чрезвычайно точную информацию, которую они могли извлечь из опроса местных жителей.

Хенрик Хёрб (Henrik Herb) утверждает, что карты Рената были первыми монгольскими картами, созданными степным монголоязычным народом со времен династии Юань [28, p. 682]. Несмотря на то, что в джунгарских картах нет сетки, они нарисованы к шкале настолько близко, насколько это возможно, и относительные позиции особенностей ландшафта являются точными. Эти обе карты содержат большое количество ойратских пометок

¹ Более развёрнутые рассуждения по этому поводу см. [34; 28].

речных притоков, городов, станций вдоль дорог, рек и крепостей. Не соглашаясь с заявлением Джона Бэддли (John Baddeley), что «монгольская» традиция картографии передаёт только топонимы, и никаких особенностей ландшафта, Питер Пердью, со своей стороны, считает, что эти карты чётко показывают горные цепи, реки, озера и пустые места [35, р. 457]. При этом они не следуют за китайскими и российскими картами. Их недостаток же заключается в том, (и это неудивительно) что не были отмечены определенные ранее межгосударственные границы, не имеется линий широты и долготы. Самое поразительное в этих картах – непропорциональный масштаб озера Балхаш и реки Иртыш: озеро изображается значительно бóльшим, чем его естественный размер. Питер Пердью считает, что озеро и река занимали центральное положение в джунгарских представлениях о своей территории [35, р. 457].

Эти карты, наряду с очевидностью развития сельскохозяйственного (активное развитие т.н. «калмыцких» арыков в Казахстане на основе опыта уйгурских земледельцев), военного (производства оружия, орудий, пороха) и индустриального (наличие в ханстве меднолитейных заводов, чеканка монеты и т.д.) производств, указывают, что Галдан-Цэрен был занят попыткой строительства государства, которая была подобна таким же попыткам, как и у его великих соседей – Российской империи и империи Цин. Обозначая на карте своё царство, он показывал этим, что вполне осознал важность фиксации местоположения различных населенных пунктов, расселения этносов, передвижения народов. Однако, как, кстати, и его соперники, он почти не имел представления о своих территориях. Границы его царства оставались неоднозначными, в то время как российские власти и китайская администрация быстро внесли ясность в пределы своих территорий. Как отмечают представители западной историографии Центральной Азии: «Их концепция пространства не оставляла ни одной комнаты для автономного монгольского государства» [35, р. 457].

Монеты

Небезызвестно, что первым из всех ойратов стал отливать монеты Галдан-Бошокту-хан [9, с. 234]. Эти монеты имели хождение в Восточном Туркестане и назывались *пул*. При помощи «джунгарских пулов» джунгары взымали дань, которая составляла 1 *танга* с души в год, и была установлена Галданом. Та же стоимость *танга* оставалась при Цэван-Рабдане (1697–1727). В общей сложности *пул* составлял 100 тысяч *танга* ежегодно [5, с.66; 11, с. 24–25]. Однако при Галдан-Цэрене (1727–1745) объём дани увеличился: один лишь Яркендский округ вносил ежегодно 100 тысяч *танга*,

Кашгарский – 67 тысяч *танга*, 40 898 батманов зерна, 1463 чарека хлопка и 365 чарекон шафрана [11, с. 25].

Название *пул* (в китайских источниках он отражён как «пу-эр» 普尔) использовалось в денежной системе Синьцзяна до конца XIX в. [3]. Протипом этих монет считаются *пулы* Яркендского ханства, носящие обиходное название «лошадиного копыта» (ма-ти-би 马蹄币). По сведениям «Сиюй тучжи» 西域图志 (цз. 卷35) джунгарский *пул* во времена правления Цэван-Рабдана (1697–1727) и Галдан-Цэрена (1727–1745) изготавливался из красной меди [цит. по 11, с. 24]. После уничтожения Джунгарского ханства, маньчжуры приступили к изъятию джунгарских монет и вводу собственно цинских аналогов, однако активно применяя джунгарских опыт¹.

Для литья и чеканки монет требовалась медь, которую джунгары добывали на разработках месторождений меди. Кроме меди использовались другие драгоценные металлы, выплавкой которых занимались беглые русские мастеровые, жившие в Джунгарии (мастера Колыванского завода, уроженцы Томска, Тары, Красноярска), и работавшие также в других местах на небольших предприятиях по выплавке меди, серебра и золота [18, с.6; 41]. Таким образом, современные для того времени технологии не обходили стороной Джунгарское ханство, находившееся в центре кочевого

¹ Так, говоря о необходимости отливать денежные монеты уже при Цинах по джунгарскому образцу, маньчжурский генерал в должности динбянь цзяньцзюнь 定边将军 Чжаохуэй 兆惠, после покорения Джунгарии и Восточного Туркестана (5 августа 1759 г.) отмечал: «Необходимо заново отливать денежные знаки. В прошлом все денежные знаки [монеты] в уйгурских городах были сделаны из красной меди. Вес [одной монеты] составляет 2 цян (1 цянь=3,7301 гр.). На одной стороне имеется имя джунгарских тайцзи, на другой стороне отчеканены уйгурские буквы. Из-за ограниченности производства меди, необходимо менять один вэнь вновь отчеканенных монет на два вэня старых монет, как только количество производства новых монет дойдет 10 тыс. таньга // Новую партию монет нужно делать только после аннулирования старых денег. В настоящее время получены не все [старые] деньги, и они еще не переплавлены. [Поэтому] прошу сначала выпустить [новые монеты] 500 тыс. вэнь за счет 7 тыс. цзинь меди, рассчитанных для отлития пушек, а другую партию монет отчеканить после возвращения старых [местных] денег. Через два–три года можно полностью заменить действующие денежные знаки. К тому же чеканить монету по образцу внутренних земель (собственно Китая) весом один цянь – два фэня (4, 47 гр.) каждого вэня, а также по традиции уйгурами денег, на одной стороне изобразить китайские иероглифы Цяньлун тунбао, а на другой стороне – Яэкан цинвэнь и отразить все это буквами уйгурского алфавита. Прошу высочайшее предписание». См. [10, с. 99–100].

центральноазиатского региона. Благодаря централизованной власти эта область хозяйственной деятельности могла процветать за счет привлечения представителей оседлых народов. Это процветание было прервано падением центральной власти, междоусобицами и вторжением извне.

Печати

Другим видом материального наследия являются печати с надписями на ойратской письменности «*тодо-бичиг*».

К сожалению, отечественная историография пока никак не отразила поиск, сбор и анализ по этому важному атрибуту власти. Что касается зарубежной историографии, то мной была обнаружена лишь одна работа, в которой вскользь имеются упоминания о влиянии Джунгарского ханства на печати уйгурских подданных, проживающих в Восточном Туркестане. Так, печати уйгурских правителей содержали полиязычные надписи, сделанные во времена джунгарского правления. Несмотря на то, что в нынешнее время известно о наличии уйгурских печатей уже при маньчжурском господстве (т.е. после уничтожения Джунгарского ханства и завоевания Цинской империей), примечательным является трехязычное употребление маньчжурского, ойратского и арабского (без китайского) языков в них, что в свою очередь, говорит о том, что Цины выступали как преемники джунгаров [33, р. 195]. Исследование джунгарского присутствия в Восточном Туркестане, выразившееся в том числе и в уйгурских печатях, чрезвычайно актуально, однако специальных исследований по джунгарским печатям до настоящего времени не имеется.

Говоря об отношениях между джунгарами и уйгурами, следует отметить, что в материальном плане обнаруживается взаимовлияние – так, «калмыцкие арыки» создавались уйгурскими переселенцами в степных просторах для улучшения ирригационной системы. Китайские современники отмечали, что согласно услышанному в то время, у джунгаров обнаруживалась такая картина: у них имелось «в наличии 100 садов, где было [росло] там всё». Впоследствии, это наследие перешло к казахам, о чём становится известно из труда В.С. Батракова: «Наиболее ярким доказательством (что у джунгаров было земледелие) является созданная джунгарами ирригационная сеть, которую использовали казахи, переселившиеся в Семиречье после разгрома Джунгарского ханства и массового истребления джунгар войнами. ... Китая в 1758 году. Впоследствии казахи значительно расширили эту сеть...называли ее калмыцкими арыками» [2, с. 71]. От джунгаров уйгурское население, перенимало предметы ойратского быта, ...стали изготавливать дебискеры (длинные тюфяки или матрацы из шёлка, ковра – Д.К.) и дурбельджины (подстилки квадратной формы – Д.К.) [11, с. 26].

Специфические особенности сохранившихся материальных объектов сводятся к трём пунктам. Во-первых, материальная культура джунгаров испытывала к середине XVIII в. определённый подъём, о чём можно судить по развитию оседлых сооружений, разработке и добыче драгоценных металлов, а также внедрению картографии, которая расценивается по международным масштабам передовым явлением в XVIII в. Во-вторых, собственно джунгарское наследие характеризуется взаимовлиянием особого вида архитектуры оседлых сооружений, обусловленный влиянием Тибета. Джунгары перенимали у оседлых уйгуров навыки возделывания полей: например, известные в Казахстане «калмыцкие арыки». Уйгурское население, переняв у джунгаров предметы ойратского быта, стали изготавливать дебискеры и дурбельджины. Определенное влияние вносили и беглые русские мастеровые, жившие в Джунгарии (мастера Кольванского завода, уроженцы Томска, Тары, Красноярска) в разработке месторождений меди и драгоценных металлов, а также создании небольших предприятий по выплавке меди, серебра и золота. В-третьих, наследие джунгаров нашло отражение в материальных объектах, соперничающей с ними маньчжурской династии Цин, и выразилось в двух моментах. Джунгары, создав прецедент, передали свой опыт цинской администрации в созданном цинами Синьцзяне 新疆 (применение цинских монет и официальных печатей в Восточном Туркестане. В Новое время события развивались по тому же пути, который проложили джунгары в XVIII в.). Джунгары наделялись негативными и не соответствующими действительности свойствами, о чём сообщают многоязычные цинские стелы, адресованные к различной аудитории.

Библиография

1. *Барфилд Томас Дж.* Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.). СПб., 2009.
2. *Батраков В.С.* Хозяйственные связи кочевых народов с Россией. Ташкент, 1958.
3. *Беляев В.А., Настич В.Н.* Медные пулы Джунгарского ханства XVIII в. // Электронный сайт ZENO.RU
4. *Владимирцов Б.Я.* Монгольские сказания об Амурсане // Восточные записки 1 (1927).
5. *Думан Л.И.* Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в. М. – Л., 1936.
6. *Едилханова С.А.* Казахско-джунгарские взаимоотношения в XVII – XVIII веках (Некоторые исторические аспекты проблемы). Алматы, 2005.

7. *Ерофеева И.В.* История формирования культового комплекса Тамгалы-тас (1677–1771 гг.) // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова. Сборник материалов международной научной конференции. г. Алматы, 23–24 апреля 2009. Алматы, 2010.

8. *Златкин И.Я.* Русские архивные материалы об Амурсане // Филология и история монгольских народов. М., 1958.

9. *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства (1635–1758). М., 1964.

10. Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV–XIX вв. Алматы, 1994.

11. *Кузнецов В.С.* К вопросу о владычестве Джунгарского ханства над Восточным Туркестаном. // Труды Бурятского института общественных наук БФ СО АН СССР. Вып. 13. Улан-Удэ, 1970.

12. *Кузнецов В.С.* Амурсана. Новосибирск, 1980.

13. *Кычанов Е.И.* Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. Элиста, 1999.

14. *Макшеев А.*, «Карта Джунгарии составленная Ренатом» // Записки императорского русского географического общества 2 (1888).

15. *Моисеев В.А.* Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). – Алма-Ата, 1991.

16. *Моисеев В.А.* Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. (Очерки внешнеполитических отношений). Барнаул, 1998.

17. *Пан Т.А., Пчелин Н.Г.* Портреты выдающихся военачальников периода правления императора Цянь-луна из коллекции Государственного Эрмитажа // Письменные памятники Востока 2 (15). 2011.

18. *Потанин Г.Н.* Наши сношения с джунгарскими владельцами // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. Т. II, вып. 1. СПб., 1875.

19. *Санчилов В.П.* Джунгарский хан Давац: правитель и пленник // XVIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 2. М., 1987.

20. *Сураева Н.Г.* Образ Сян-фэй в истории и живописи Дж. Кастильоне // XLIII научная конференция «Общество и государство в Китае», Тезисы и доклады. Ч. I. М., 2013.

21. *Токио Таката.* Пояснения к картинам батальных сцен «Покорения Западного края» императора Цянь-луна // Письменные памятники Востока 2 (15). 2011.

22. *Ходжаев А.* Цинская империя и Восточный Туркестан в XVIII в. (Из истории международных отношений в Центральной Азии). Ташкент, 1991.

23. Чернышев А.И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М., 1990.

24. Чимитдоржиев Ш.Б. Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII – XVIII вв. Улан-Удэ, 2002.

25. Baddeley J. Russia, Mongolia and China. Vol. 1. L., 1919.

26. Chayet Anne. Architectural wonderland: an empire of fictions // New Qing Imperial History: The making of Inner Asia empire at Qing Chengde. London and New York: Routledge Curzon, 2004.

27. Haenish E., «Zwei Viersprachige Inschriften zum Dsungarenkrieg aus den Jahren 1755 und 1758» // Miscellanea Academica Berolinensis 2 (1950).

28. Henrik Herb G., «Mongolian Cartography» // The History of Cartography: Cartography in the Traditional East and Southeast Asian Societies, ed. J.B. Harley and David Woodward. Chicago, 1994.

29. Heissig W., «Uber Mongolische Landkarten» // Monumenta Serica 9 (1944).

30. History of civilization of Central Asia. Vol V. Paris, 2003.

31. Krueger J., «The Ch'ien-lung Inscriptions of 1755 and 1758 in Oirat-Mongolian» // Central Asiatic Journal 18, no. 11 (1974).

32. Okada H. Galdan's Death: When and How. in: Memoires of the Research Department of the Toyo Bunko, № 37 (Tokyo, The Toyo Bunko, 1979).

33. Onuma T. A set of Chaghatay and Manchu Documents Drafted by a Kashgar Hakim Beg in 1801: A Basic Study of a «Chaghatay-Turkic Administrative Document» // «Studies on Xinjiang Historical Sources in 17 – 20th Centuries» Ed. by James A. Millward, Shinmen Yasushi, Sugawara Jun. – Tokyo: The Toyo Bunko, 2010. XI.

34. Perdue P. C. Boundaries, Maps, and Movement: The Chinese, Russian, and Mongolian Empires in Early Modern Eurasia // International History Review 20, no. 2 (1998).

35. Perdue P.C. China Marches West: the Qing conquest of Central Eurasia. London, 2005.

36. Poppe N.. Renat's Kalmuck Maps // Imago Mundi. XII. (1955).

37. Waley-Cohen Joanna, «Commemorating War in Eighteenth-Century China» // Modern Asian Studies 30 (1996).

38. Вэйлатэ мэнгү ши шиган 卫拉特蒙古史纲 (Очерки истории ойрат-монголов). Ред. Ма Дачжэн, Чэн Чундэ. Пекин, 2006.

39. Ма Жухэн. 马汝珩. Лунь Амуэрсанадыишэн. 论阿睦尔撒纳的一生。(О жизни Амурсаны) // Элүтэ-мэнгү шилуныцзи. 厄鲁特蒙古史论集。(Сборник статей по истории элют-монголов). Цинхай жэньмин чубаньшэ, 1984.

40. Чжуньгаэр шилюэ 准葛尔史略。(Очерки по истории джунгаров). Гуйлинь, 2007.